

леко, далеко отсюда, почти за 3000 версть, теперь переживаетъ тяжелыя невыносимыя страданія, скорбь, равной которой нѣтъ ничего въ мірѣ. Помолимся объ этой страдалицѣ, да пошлетъ Господь Богъ въ ея скорбное сердце отраду и утѣшеніе. Помолимся и о почившемъ, да приметь его Господь Богъ въ свои небесныя обители, гдѣ въ ближнемъ общеніи съ Богомъ и святыми духъ почившаго о. архимандрита Кирилла найдетъ безконечный просторъ для своего развитія и радость и утѣху неизглаголанную. Аминь.

Р ъ ч ь

предъ началомъ отпѣванія о. ректора Астраханской дух. семинаріи архимандрита Кирилла, произнесенная инспекторомъ семинаріи священникомъ Симеономъ Покровскимъ.

Дорогой и незабвенный о. ректоръ!

Не чаяли мы, твои сослуживцы и ученики, что такъ скоро намъ придется прощаться съ тобою, а тебѣ шествовать въ такой далекій путь, откуда къ намъ обратно не возвращаются. Ты нѣсколько разъ, во время своей болѣзни, приведшей тебя къ этому пути, высказывалъ мнѣ, что тебѣ не хочется оставлять насъ даже для высшаго званія, которое, по человѣческимъ соображеніямъ, предстояло тебѣ здѣсь на землѣ, на нивѣ Христовой. А между тѣмъ Богу угодно было тебя воззвать отъ сей земной юдоли въ селенія небесныя совершенно неожиданно и для насъ, и для тебя самого.

Если-бы мы провожали тебя въ какой-либо земной градъ къ новому мѣсту твоего жительства и служенія, то хотя-бы и печалились при разлукѣ съ тобою, но имѣли-бы нѣкое утѣшеніе, надежду одни — видѣть тебя на новомъ мѣстѣ, другіе — по крайней мѣрѣ слышать о тебѣ и о твоей дѣятельности; но нынѣ мы провожаемъ тебя со слезами; ибо, пока находимся здѣсь, въ брэнномъ тѣлѣ, никто изъ насъ тебя не увидитъ и никто о тебѣ ничего не услышитъ. А это для насъ весьма тяжело. Не смотря на краткое время твоего служенія въ нашей семинаріи, мы такъ успѣли сжиться съ тобою, такъ привязаться къ тебѣ, что даже теперь кажется для насъ непонятнымъ, какъ

это мы раньше жили безъ тебя и еще труднѣе намъ представить, какъ мы будемъ жить послѣ тебя. Когда годъ тому назадъ мы услышали первыя вѣсти о назначеніи тебя на мѣсто нашего начальника, то были въ большомъ затрудненіи, не зная, каковъ будетъ нашъ начальникъ, въ какія отношенія онъ станетъ къ намъ и ждали тебя съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Приѣхалъ ты, и скоро все наше смущеніе разсѣялось. Тотчасъ обнаружились тѣ добрыя твои свойства, которыя насъ такъ привлекали къ тебѣ, привлекали, впрочемъ, и не насъ только, а и всѣхъ, кто имѣлъ съ тобою какія-либо сношенія. Твоимъ сослуживцамъ и ученикамъ эти свойства были виднѣе, а потому и понятнѣе твоя личность; эти свойства: доброта сердца, правдивость и энергія въ дѣятельности.

Твое отъ природы доброе, отзывчивое сердце къ человѣческимъ нуждамъ и горю потому привлекало такъ всѣхъ къ тебѣ, что ты былъ молодъ, и суровая жизнь еще не успѣла разсвѣять въ тебѣ часто привлекательныхъ и возвышенныхъ представленій о людяхъ. Ты желалъ видѣть въ людяхъ только лучшія ихъ стороны; поэтому и относился ко всѣмъ просто и довѣрчиво, не столько пользуясь своими начальственными правами, сколько надѣясь на свое нравственное вліяніе и воздѣйствіе на ихъ жизнь и дѣятельность. Этимъ и можно объяснить ту простоту и ту доступность твою въ обращеніи не только съ сослуживцами, но и съ учениками, и даже съ малыми неразумными дѣтьми, которыхъ именно привлекало къ тебѣ твое доброе сердце. Этимъ-же объясняется твое сочувствіе, состраданіе твое къ чужому горю и радости. Можно сказать, что ты радовался нашими радостями и печалился нашими печалями, посѣщая наши жилища и интересуясь всѣмъ, что у кого случилось, и принимая всѣхъ сослуживцевъ во всякое время къ себѣ, особенно-же въ праздничное, когда мы собирались около тебя и предавались воспоминаніямъ изъ прежней жизни, дѣлились новостями и сужденіями по различнымъ вопросамъ своей службы.

Не смотря на твое доброе сердце, одного его было бы недостаточно для утвержденія твоего авторитета, который стоялъ высоко, — если-бы проявленія твоего добраго сердца не сопровождались правдивостью. Ты былъ великій противникъ всякой лжи, проявлялась-ли она на словахъ или на дѣлѣ и какъ былъ правдивъ самъ во всѣхъ отно-

шеніяхъ, такъ же этого требоваль отъ сослуживцевъ и подчиненныхъ, желая знать всю жизнь ввѣреннаго тебѣ заведенія во всей правдѣ, безъ всякихъ прикрасъ, въ справедливой увѣренности, что всякій вѣдомый и открытый недостатокъ или упущеніе можно исправить при добромъ желаніи и энергіи служащихъ, чѣмъ смотрѣть на него съ закрытыми глазами, или видя не видѣть и слыша не слышать о немъ. Это побуждало тебя, какъ казалось намъ иногда, какъ-бы не довѣрять твоимъ сослуживцамъ и самому во все вникать, все провѣрять своими главами. Эта провѣрка и служила часто мѣриломъ въ отношеніяхъ твоихъ къ намъ, для большей или меньшей довѣренности и вниманія къ тому или иному изъ подчиненныхъ.

Этимъ-же желаніемъ самому знать и видѣть все и питалось твое стремленіе къ дѣятельности, твоя энергія кипучая, можно-бы сказать, неизсякаемая, еслибы мы не видѣли тебя сейчасъ въ тѣсномъ гробѣ хладнымъ и недвижимымъ... Эта энергія никогда не оставляла тебя спокойнымъ: во всякое время дня и даже ночью тебя можно было встрѣтить ходящимъ по семинаріи съ твоимъ жезломъ; рассматривающаго одно, спрашивающаго о другомъ, дающаго распоряженія относительно третьяго и во всемъ требующаго немедленнаго и точнаго исполненія своихъ распоряженій.

Эта-же энергія никогда не оставляла тебя довольнымъ тѣмъ, что уже достигнуто и сдѣлано. Если у тебя бывали покопчены, такъ называемыя, текуція дѣла въ семинарскомъ обиходѣ, то ты предпринималъ что нибудь для улучшенія стараго, или собирался устроить новое. Этимъ и объясняется все то, что ты въ краткое время служенія съ нами успѣлъ сдѣлать для блага семинаріи. Упомянемъ только о двухъ наиболѣе видныхъ плодахъ твоей дѣятельности—объ учрежденіи попечительства о семъ св. храмѣ, куда ты пришелъ нынѣ въ послѣдній разъ, и о бѣдныхъ, молящихся въ немъ о тебѣ; ученикахъ; а также дѣло объ устройствѣ новыхъ зданій для семинаріи, мысль о которыхъ занимала тебя на одрѣ болѣзни и даже настолько, что ты за нѣсколько дней до кончины больною своею рукою писалъ ходатайство предъ высшимъ начальствомъ о постройкѣ сихъ зданій. Можетъ быть, эта твоя дѣятельность даже на смертномъ одрѣ, вопреки распоряженію врачей, и положила тебя въ сей гробъ, и свела въ тѣсную преждевременную могилу...

Персть, изъ коей создано твое тѣло, возвратится въ землю, а бессмертный духъ твой *возвратится къ Богу, Иже даде его*. Что-же останется у насъ отъ тебя? Прежде всего останутся твои сочиненія, въ которыхъ отразился твой бессмертный духъ, сочиненія, касающіяся времени борьбы христіанской вѣры съ язычествующимъ невѣріемъ и описывающія одного изъ великихъ поборниковъ за Христа, добраго пастыря Александрійской церкви св. Аѳанасія; равно останутся наставленія твоимъ воспитанникамъ, раскрывающія предъ ними высоту и отвѣтственность предстоящаго имъ пастырскаго служенія. Но важнѣе всего для насъ живой примѣръ и образъ твой, начертанный въ нашихъ сердцахъ. Думаемъ, что этотъ образъ останется въ насъ до конца дней нашихъ, а пока мы живы, будемъ почитать своего начальника и наставника, который поучалъ насъ слову Божію, ученію Христову не устами только и тростію книжника скорописца, но и дѣлами; и, взирая на скончаніе его жителства, будемъ подражать его вѣрѣ и дѣламъ; а милосердый Господь, уповаемъ, по молитвамъ св. церкви и иже во святыхъ отца нашего Аѳанасія Великаго, проститъ вся его согрѣшенія вольныя и невольныя и учинитъ духъ его въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злчнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, гдѣ онъ и почиеть отъ трудовъ своихъ.

Армяне въ Астраханской епархіи, и отношеніе къ нимъ мѣстныхъ Архипастырей въ 18-мъ вѣкѣ.

(Продолженіе. См. — № 22 «А. Е. В.» 1900 г.).

П Р И Б А В Л Е Н І Е.

Намъ пришлось познакомиться съ весьма интереснымъ рукописнымъ документомъ половины 19-го столѣтія армянскаго происхожденія подъ заглавіемъ: «Свѣдѣнія о христіанской вѣрѣ Апостольской о Армянской церкви», составленныя на основаніи церковныхъ армянскихъ книгъ и другихъ источниковъ. Рукопись эта, какъ видно изъ надписи, была собственностію армянина Никиты Артемьевича Сугіасова и представляетъ изъ себя списокъ съ подлинной рукописи, принадлежавшей дѣйств. Статскому Совѣтнику Камергеру Христофору Якимовичу Лазареву. Она заключаетъ въ себѣ краткія историческія свѣдѣнія о распространеніи